

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОВЕТСКИХ ВИЗАНТИНИСТОВ

К 60-летию Великого Октября, советские ученые подвели итоги своей работы. Однако в краткой статье невозможно осветить длительный путь, пройденный советским византиноведением. К тому же это уже сделано как в моей книге, изданной в 1969 г.¹, так и в недавно вышедшей работе Г. Л. Курбатова². Поэтому здесь я ограничусь лишь характеристикой основных направлений развития византиноведения в СССР в последние годы.

В последнее десятилетие в советской медиевистике в целом и в византиноведении в частности заметно возрос интерес к исследованиям типологического характера. Расширился ареал типологических штудий — в их орбиту входят такие обширные регионы, как Западная Европа, Русь, Византия, страны Юго-Восточной и Центральной Европы, а также и Азии. Типология феодализма разрабатывается не в плане компаративизма, а на основе анализа *общего* и *особенного* в динамике феодального строя в различных регионах мира. При этом превалирует выявление общих закономерностей; частные, локальные особенности не затемняют важнейших явлений, присущих феодальному обществу в целом³.

Советскими византинистами и учеными других стран немало сделано для выяснения специфики византийского феодализма, его генезиса и развития. При этом византийский феодализм трактуется то как особая модель, то как вариант феодального строя Юго-Восточной или Юго-Западной Европы, то как аналог феодального развития в странах Востока. Сравнительно недавно на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско, где дебатировался вопрос о взаимном влиянии цивилизаций Запада и Востока, Византийскую империю относили то к Востоку, то к Западу, то подчеркивали ее промежуточное положение между Востоком и Западом⁴. Выяснение типологических особенностей византийского феодализма, думается, поможет пролить новый свет на эту старую проблему и определить место Византии во всемирно-историческом процессе.

З. В. Удальцова и К. А. Осипова анализировали специфику общественного строя Византии в сравнении со странами Западной Европы⁵. Особенности феодализма в Западной Европе рассматривала Е. В. Гутнова⁶.

¹ Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.

² Курбатов Г. Л. История Византии (историография). Л., 1975.

³ Проблемы социально-экономических формаций (Историко-типологические исследования). М., 1975; Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973; Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, вып. 1, под ред. Г. Л. Курбатова. Л., 1974.

⁴ Удальцова З. В. Медиевистика на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско. — СВ, 40, 1976; она же. «Византийский день» на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско (август, 1975 г.). — ВВ, 38, 1977.

⁵ Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии (Постановка проблемы). — ВВ, 36, 1975, с. 3—20; она же. Типологические особенности феодализма в Византии. — В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974, с. 4—28.

⁶ Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в За-

Основные типологические особенности феодальных отношений в Византии, по мнению названных авторов, таковы: наличие государственной собственности на землю, длительное существование сильной сельской общины свободных крестьян и общинного землевладения, более медленное, чем на Западе, складывание феодальной вотчины, относительная неразвитость иерархической структуры условной собственности и иммунитетных прав феодалов. В сфере эксплуатации сельского населения Византию от Запада отличали: длительное существование рабства, наличие особой категории государственных крестьян и централизованной ренты, сохранение значительной прослойки крестьян-общинников, замедленность формирования единого класса феодально-зависимого крестьянства.

По-иному, чем на Западе, складывалась судьба византийского города. Кривая социально-экономической трансформации городов шла здесь весьма своеобразно: от расцвета на заре византийской истории через временное затухание их экономической активности в период генезиса феодализма к новому подъему в XI—XII вв. (преимущественно провинциальных городов)⁷, сменившемуся окончательным упадком в последние два века существования империи. С этого времени пути экономического развития городов Византии и Западной Европы, в частности Италии, окончательно разошлись. В Западной Европе рост городских центров привел к кардинальным сдвигам во всей экономической жизни феодального общества, а позднее — к зарождению в наиболее передовых странах того времени (Италии и Нидерландах) раннекапиталистических отношений. В Византии же расцвет городов оказался недолговечным и не повлек за собой коренной перестройки феодальной экономики.

В последние годы в советском византиноведении вновь развернулась дискуссия по проблеме генезиса феодализма в Византии и времени перехода от рабовладения к феодализму⁸. В типологическом аспекте эта проблема была рассмотрена в исследованиях З. В. Удальцовой и М. Я. Сюзюмова. Спор о времени возникновения феодализма в Византии, волновавший советских византистов в 50-60-х годах, фактически возродился в работах Е. Э. Липшиц и Г. Е. Лебедевой.

На мой взгляд, особенности генезиса феодализма заключаются в замедленности разложения рабовладельческой формации, длительном переживании рабства, сохранении городов как экономических центров, стойкости крестьянской общины, сохранении государства при отсутствии варварских завоеваний и коренной ломки римской государственности. IV—VI века я считаю временем господства в Византии еще рабовладельческих отношений и зарождения лишь элементов феодализма внутри империи. Только после кризиса VII в., по моему мнению, начинается процесс генезиса феодализма, распадающийся на два этапа: VII — середина IX в. — время преобладания свободной крестьянской общины, IX—XI вв. — период роста крупной феодальной вотчины⁹.

М. Я. Сюзюмов в своих новейших работах вновь выдвинул тезис о наличии так называемого «дофеодального периода», отделяющего рабовладельческую формацию от феодальной. По его мнению, дофеодальный период является особой «исторической ситуацией», сложившейся при

падной Европе. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций (Историко-типологические исследования), с. 107—123.

⁷ Oudaltsova Z. V. Forces centrifuges et centripètes dans le monde Byzantin (1071—1261). Rapport au XV-e Congrès International d'études byzantines. Athenes, 1976, p. 37—58.

⁸ Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. Доклад на XIII Международном конгрессе историков в Москве. М., 1970.

⁹ Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии. — В кн.: ВО, 1971, с. 3—25; она же. Генезис и типология феодализма. — СВ, 34, 1971, с. 13—38; она же. Проблема генезиса и типологии феодализма на международных конгрессах историков и экономистов в Москве и Ленинграде (1970). — ВОН АН Арм. ССР, 1971, № 3, с. 46—54.

переходе от рабовладельческого строя к феодальному в тех странах, которые прямо или косвенно находились под воздействием высокой культуры рабовладельческого общества. Автор дает сравнительный анализ генезиса феодализма в Византии и франкском обществе, усматривая в обоих регионах наличие довольно длительного дофеодального периода.

В ранний период своей истории Византия добилась большего расцвета, чем Запад, потому что преодолела главный экономический пережиток — рабство и сохранила те основные достижения античного мира, которые были необходимы для перехода к средневековому обществу.

Дофеодальный период в Византии охватывает, по его мнению, длительный отрезок времени — с IV до середины IX в. Однако коренная ломка рабовладельческих отношений происходит в VII в.¹⁰ Социальный переворот, приведший к падению рабовладельческого строя, большинство советских византинистов относят, как и М. Я. Сюзюмов, к VII в. (Н. В. Пигулевская, А. П. Каждан, Г. Л. Курбатов, З. В. Удальцова, К. А. Осипова, А. Р. Корсунский, Г. Е. Лебедева и др.). По-иному трактуют проблему о времени перехода от рабовладения к феодализму в поздней Римской империи и ранней Византии Е. М. Штаерман, Е. Э. Липшиц и И. Ф. Фихман. Решающее значение в этом процессе они отводят кризису III в. и IV—V вв. рассматривают как период крушения рабовладельческого общества и начала феодализма.

Одним из первых специальных исследований, посвященных истории права и судопроизводства в Византии IV—VIII вв., явилась книга Е. Э. Липшиц¹¹. Большим достоинством этой книги, на мой взгляд, является стремление автора показать эволюцию постклассического и юстиниановского права по сравнению с римским правом классической эпохи.

Э. П. Липшиц подробно проследила изменения в римском праве IV—V вв. под влиянием правовых норм народов, населявших империю, особо подчеркнув воздействие на римскую юриспруденцию греческих и эллинистических правовых воззрений.

Однако, по мнению исследовательницы, эти изменения являлись не просто результатом «вульгаризации» римского классического права, а следствием коренной перестройки всех общественных отношений Римской империи, вызванной кризисом III в. и феодализацией Византии в IV—V вв. Иными словами, Е. Э. Липшиц общественный переворот, связанный с крушением рабовладельческих отношений в Римской империи и началом средневековья, феодализма, со всей определенностью относит к III—V вв.

Право, согласно ее концепции, не только отражало этот общественный переворот, но и способствовало ломке старых социальных и экономических отношений. Тенденции Юстинианова законодательства к возрождению некоторых институтов классического римского права (особенно в Дигестах) носили временный и преходящий характер и не остановили общей эволюции правовых воззрений в Византии.

В книге Е. Э. Липшиц возрождается дискуссия о роли рабства и колоната в ранней Византии. Автор утверждает, что в этот период рабство уже полностью изжило себя и его место в сельскохозяйственном производстве империи заняли более прогрессивные формы зависимости (колонат, аренда и др.), близкие по своей сути к средневековой парии¹².

Отрицая общественный переворот VII столетия, Е. Э. Липшиц прослеживает дальнейшую эволюцию византийского законодательства вплоть

¹⁰ Сюзюмов М. Я. Дофеодальный период. — АДСВ, VIII, 1972, с. 3—41; *он же*. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 35, 1973, с. 3—18.

¹¹ Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.

¹² Липшиц Е. Э. К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. — ВО, 1971, с. 93—124.

до VIII в. С ее точки зрения, эволюция эта происходила под воздействием обычного права варварских народов, в частности славян, что нашло свое отражение в Земледельческом законе. Пороки системы судопроизводства в Византии вызвали необходимость новых судебных реформ в VIII в., сформулированных в Эклоге.

Концепция Липшиц, как можно заметить, не совпадает с мнением ряда других ученых, но тем не менее она заслуживает серьезного внимания исследователей.

Иных воззрений на роль рабства в ранней Византии придерживается Г. Е. Лебедева, которая на основе анализа кодексов Феодосия и Юстиниана пришла к выводу, что рабство в этот период сохранило свое производственное значение как в деревне, так и в городе¹³.

Не отрицая эволюции рабства и появления новых форм использования труда рабов, Г. Е. Лебедева, однако, полагает, что в ранней Византии господствовали еще рабовладельческие, а не раннефеодальные отношения. Она выступает против тезиса о том, что в этот период военнопленные превращались в колонов, а не в рабов. В государственных имениях, как свидетельствуют источники, военнопленные обращались как в рабов, так и в колонов, в частных же поместьях — исключительно в рабов. В ранней Византии интенсивно использовались почти все ранее известные источники рабства (за исключением «выращивания» рабов в латифундиях). Источники отражают «не только кризис рабства в IV—VI вв.», но и тенденции к его сохранению и поддержанию, что, по мнению Г. Е. Лебедевой, опровергает теорию о незаинтересованности землевладельцев империи в использовании труда рабов. Полемизируя с Е. Э. Липшиц и Е. М. Штаерман, исследовательница утверждает, что законодательные памятники не дают оснований рассматривать ранневизантийский период как качественно новый, когда общество якобы уже встало на путь активного изживания рабства.

Г. Е. Лебедева, однако, не отрицает некоторого сокращения масштабов рабовладения в изучаемую эпоху. По ее мнению, в городах Византии наблюдаются тенденции к сокращению применения труда рабов в муниципальных организациях при сохранении его в государственных мастерских¹⁴.

Советские византилисты продолжают разрабатывать проблемы экономики Византии. А. П. Каждан стремится выяснить противоречивость византийской экономики, проявляющуюся в наличии одновременно товарных и натурально-хозяйственных тенденций. Византийская экономика в XI—XII вв. представляется ему основанной на мелком производстве с применением традиционных и несложных орудий труда при наличии несовершенных коммуникаций. Вместе с тем сохранение античной ремесленной и сельскохозяйственной техники наряду с другими факторами обеспечивало сравнительно высокий по средневековым нормам уровень производства¹⁵.

Касаясь спорного вопроса о наемном труде в Византии, М. Я. Сюзюмов характеризует последний как распространенный общественный институт. На основании юридических источников автор рассматривает такие виды наемного труда, как поденщина и подряд, прослеживает отношения

¹³ Лебедева Г. Е. Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства. — ВВ, 35, 1973, с. 33—50; ВВ, 36, 1975, с. 31—44.

¹⁴ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о городских и государственных рабах по данным кодексов Феодосия и Юстиниана. — В кн.: Средневековый город, вып. III. Саратов, 1975, с. 22—33.

¹⁵ Каждан А. П. Из экономической жизни Византии XI—XII в. — ВО, 1971, с. 169—212. Значение нового издания актов Лавры Афанасия на Афоне для социально-экономической истории Византии было показано А. П. Кажданом и Б. Л. Фонкичем (Каждан А. П., Фонкич Б. Л. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения. — ВВ, 34, 1973, с. 32—54).

между работниками и работодателями и вскрывает сущность конфликтов, возникших между ними¹⁶.

В связи с определением типологических особенностей византийского феодализма особенно острые дискуссии в нашей науке вновь вызвал вопрос о государственной собственности на землю в Византии. По этому спорному и еще далекому от разрешения вопросу в настоящее время в советском византиноведении наметились две точки зрения. Одни ученые придают наличию государственной поземельной собственности решающее значение в аграрных отношениях Византии вплоть до XI—XII вв. (А. П. Каждан, К. А. Осипова), другие отводят этому институту гораздо более скромное место в эволюции общественных отношений в империи (М. Я. Сюзюмов, Г. Г. Литаврин)¹⁷. Специально этой проблемой в последние годы занимался Г. Г. Литаврин. Солидаризируясь с М. Я. Сюзюмовым¹⁸, он выступает против концепции о наличии всеобщей государственной собственности на все земли в Византийской империи. По мнению автора, в Византии существовало три вида собственности на землю: частная собственность, в том числе собственность сельских общин, государственная и собственность царской семьи (последние два вида временами почти сливались).

Фонд государственных земель в Византии, размер которых сильно изменялся как в различных провинциях, так и в разные периоды, состоял преимущественно из владений фиска (в состав которых входили заброшенные земли и участки, конфискованные и переданные в казну), а также из императорских доменов. Византийские императоры не могли неограниченно распоряжаться землями своих подданных. Поэтому они раздавали в виде пожалований в первую очередь казенные земли, населенные государственными париками, земли императорских доменов и пустоши, которые разрешалось заселять пришлыми людьми. Свободные же деревни, населенные мелкими собственниками, в отличие от стран Востока, не могли быть пожалованы частным лицам¹⁹.

На мой взгляд, было бы ошибочно приписывать Византии существование какого-то особого «государственного феодализма», преувеличивать масштабы государственной собственности на землю и влияние этой собственности на весь аграрный строй Византии. Но, с другой стороны, было бы столь же неверно отрицать или преуменьшать наличие государственной поземельной собственности в империи. Надо признать, что наличие государственной земельной собственности — типологическая особенность феодального строя Византии по сравнению с Западом. Но вместе с тем необходимо особо подчеркнуть, что и в Византии эволюция неуклонно вела к росту частного феодального землевладения вотчинного типа в ущерб этой государственной собственности²⁰.

Одно из центральных мест в исследованиях советских византинистов в последние годы занимали судьбы византийского города. Эта проблема разрабатывалась как в теоретическом аспекте, так и в плане монографического рассмотрения социально-экономической, политической и идейной жизни отдельных городских центров. Хронологические рамки темы оказывались весьма широкими: прослеживалась динамика развития византийского города с IV в. вплоть до последних лет существования империи.

¹⁶ Сюзюмов М. Я. Трудовые конфликты в Византии. — ВО, 1971, с. 26—74.

¹⁷ Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет, с. 180—195.

¹⁸ Сюзюмов М. Я. Суверенитет, налог и земельная рента в Византии. — АДСВ, IX, 1973, с. 57—65.

¹⁹ Литаврин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. — ВВ, 35, 1973, с. 51—74.

²⁰ Удальцова З. В. Византия и Западная Европа (типологические наблюдения). — ВО, 1977, с. 3—65.

Важные теоретические проблемы эволюции города в ранней Византии были выдвинуты в исследованиях Г. Л. Курбатова. В Византии в IV—VII вв., по мнению автора, происходил процесс постепенного упадка, а затем и исчезновения массы мелких городских центров. Крупные же города по своей внутренней структуре утрачивали характер античных полисов. Одновременно изменялась социальная стратификация византийского города — разложение старых классов и сословий позднеантичного общества, трансформация городских корпораций, упадок муниципального строя. Разложение античной городской собственности в Византии автор относит к IV—VI вв. В VII в. эта собственность, полагает Курбатов, по существу трансформировалась и исчезла²¹.

Из локальных исследований отдельных городов империи следует упомянуть работы И. Ф. Фихмана о египетском городе Оксирихе в византийскую эпоху. Согласно выводам автора, в Оксирихе в IV—VI вв. господствовало мелкое ремесленное производство, сочетавшееся с весьма ограниченным рабским трудом. Городское землевладение, хотя и сохранялось, постепенно вытеснялось императорским. Численность населения Оксириха в эту эпоху колебалась между 15 и 25 тыс. чел.²²

К локальным исследованиям византийских городов можно отнести также археологические разыскания советских ученых в Херсонесе.

А. И. Романчук пыталась доказать наличие прямой преемственности в ремесленном производстве античного и средневекового Херсонеса. По ее мнению, никаких значительных перемен в жизни византийского Херсонеса в VII—VIII вв. не было²³.

Историю Херсонеса посвятил ряд разделов своей книги «Крым в средние века» А. Л. Якобсон. В отличие от А. И. Романчук автор значительное внимание уделил изменениям, происшедшим в экономической жизни Херсонеса в конце IX—X в., когда после упадка VII—VIII вв. началось возрождение города и ближайшей округи²⁴.

Характеристика состава населения, экономики и внутренней социальной структуры провинциального города Византии на рубеже XII—XIII вв. дана Г. Г. Литавриным. На основании налоговой описи Лампсака автор приходит к заключению, что Лампсак был в то время городом средних масштабов, численность его населения составляла 850—1000 жителей; это был типичный приморский город, центр земледельческой округи, с постоянно функционировавшим рынком, где торговали как местными, так и привозными товарами²⁵.

В новейшей советской историографии продолжался спор о характере экономики и социальных отношений в городах поздней Византии. Центральное место в дискуссии занял вопрос о византийской мануфактуре. И. П. Медведев категорически отрицает наличие мануфактуры в поздней Византии. Он придерживается мнения о типично средневековом харак-

²¹ Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971; *он же*. Разложение античной городской собственности в Византии IV—VII вв. — ВВ, 35, 1973, с. 19—32.

²² Фихман И. Ф. Египетский город византийского времени. (Некоторые предварительные итоги изучения социально-экономической истории города Оксириха). — ВО, 1971, с. 125—151; *он же*. Городское и императорское землевладение в Оксирихе IV—VI вв. — ПС, 23 (86), 1971, с. 144—155; *он же*. Численность населения поздне-римского Оксириха. — ВДИ, 1972, № 3, с. 178—184.

²³ АДСВ, VII, 1971, с. 7—124; IX, 1973, с. 7—53; Романчук А. И. Античные традиции в гонимом ремесле средневекового Причерноморья. — ВВ, 32, 1971, с. 40—47; *она же*. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века». — АДСВ, VIII, 1972, с. 42—55.

²⁴ Якобсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973.

²⁵ Литаврин Г. Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака). — ВВ, 37, 1976, с. 17—29. Тот же ученый занялся и таким специальным вопросом, как регулирование нормы прибыли в книге Эпарха (Литаврин Г. Г. Процент законной прибыли и процент налога с нее в византийском городе X—XI вв. — АДСВ, 10, 1973, с. 39—43).

тере ремесленного производства в городах той эпохи. Лишь в некоторых центрах, связанных с добывающей промышленностью (горное дело, добыча квасцов), могли возникать материальные предпосылки для появления мануфактур на ранней стадии их развития ²⁶.

М. Я. Сюжков и В. А. Сметанин полагают, что мануфактуры в зачаточном виде появились в Византии в XIII—XV вв., что подтверждается данными труда византийского писателя Феодора Скутариота (особенно по производству оружия в государственных мастерских) и венецианскими источниками, в частности «Книгой счетов» венецианского купца Джакомо Бадозра. По мнению М. Я. Сюжкова и В. А. Сметанина, в поздней Византии зарождалась рассеянная мануфактура на базе итальянской торговли ²⁷. При современном состоянии источников вопрос о мануфактуре в Византии пока остается открытым.

Различным социально-политическим и культурным аспектам жизни поздневизантийского города посвящена монография И. П. Медведева о пелопоннесском городе Мистре — одном из важнейших центров поздней Византии и крупнейшем очаге культуры и образованности той эпохи. Книга И. П. Медведева является как бы продолжением серии монографии об отдельных провинциальных городах империи. Мистра, по мнению автора, в XIII—XV вв. оставалась типично феодальным городом как по своему социально-экономическому развитию, так и по социальной стратификации городского населения. Ремесло и торговля не играли большой роли в экономике Мистры, а для общественной жизни этого города были характерны экономическое и политическое господство феодалов, отсутствие самоуправления, слабость тех городских элементов, которые в дальнейшем могли бы стать носителями антифеодальных тенденций. В области интеллектуальной жизни и художественной культуры Мистра в XIV—XV вв. достигла значительного расцвета, хотя и здесь слабое развитие городских классов наложило печать феодальной ограниченности на произведение литературы и искусства Мистры, особенно в сравнении с шедеврами итальянского Ренессанса ²⁸.

В поле зрения советских византистов находился и другой крупный городской центр XIII—XV вв. — Трапезунд. С. П. Карпов занимался изучением экономики, социальной структуры и внешней политики Трапезундской империи и ее столицы Трапезунда ²⁹. Расцвет Трапезунда, по мнению автора, относится к XIII—середине XIV в. В это время Трапезунд благодаря счастливому географическому положению сосредоточил в своих руках морскую и сухопутную торговлю. Отсюда начинался важный торговый путь на Восток — в Татарию, Персию, Среднюю Азию и Индию. Трапезунд поддерживал тесные торговые связи с Крымом, Русью, Закавказьем. Для Грузии Трапезунд служил главным портом, соединявшим ее с Константинополем. Постепенно расширялись торговые связи Трапезунда с Италией почти без посредничества Константинополя. Мало-помалу Трапезунд превратился в один из крупнейших центров черноморской посреднической торговли. В Трапезунде наблюдается также подъем ремесленного производства ³⁰.

²⁶ *Медведев И. П.* Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре. — В кн.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970, с. 391—408.

²⁷ *Сметанин В. А.* О некоторых аспектах социально-экономической структуры поздневизантийского города. — АДСВ, VIII, 1972, с. 108—119.

²⁸ *Медведев И. П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973; *он же.* Политическая экономия Георгия Гемиста Плифона. — ВВ, 34, 1973, с. 88—96.

²⁹ *Карпов С. П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII—XV вв. — ВВ, 35, 1973, с. 154—164; *он же.* Сочинения Никиты Хониата как источник по истории Трапезундской империи. — В кн.: Проблемы всеобщей истории (3). Изд-во МГУ, 1971, с. 133—156.

³⁰ *Карпов С. П.* Трапезунд и Константинополь в XIV в. — ВВ, 36, 1975, с. 83—99.

Надо отметить, что в последнее время в изучении экономики и социальной структуры поздневизантийского города явный перевес берут сторонники концепции об упадке византийских городов этой эпохи. Если в более ранних трудах советских византинистов боролись две точки зрения — одни ученые отстаивали концепцию о зарождении в поздней Византии элементов предкапиталистических отношений, другие же подчеркивали отставание экономики византийских городов по сравнению с Западом, например Италией, то теперь голоса в защиту поступательного развития городской экономики XIII—XV вв. раздаются все реже³¹.

Классовая борьба в городах империи изучалась в последние годы А. А. Чекаловой, Г. Л. Курбатовым, Г. Г. Литавриным, М. А. Поляковской. А. А. Чекалова посвятила свое исследование восстанию Ника 532 г. в Константинополе и пришла к выводу, что главной движущей силой его были народные массы³².

Г. Л. Курбатов полемизирует с А. Кэмероном по вопросу о византийских димах и факциях. Он отстаивает тезис о социальном характере движения димов в ранней Византии. Оценка А. Кэмероном борьбы партий как деятельности цирковых спортивных организаций, опиравшихся на небольшие группы «индивидуальных сторонников», по мнению Г. Л. Курбатова, опровергается многочисленными фактами массовых социальных выступлений городского населения.

Г. Г. Литаврин рассмотрел восстание 1042 г. в византийской столице. Оно, по мнению автора, явилось выражением глубокого кризиса бюрократического режима имперской автократии, приведшего к столкновению трех политических сил — чиновной бюрократии, светской знати и богатой торгово-ремесленной верхушкой Константинополя. М. А. Поляковская собрала новые данные о социальных конфликтах в городах поздней Византии.

Все большее место в трудах советских исследователей в последние годы занимает социальная структура византийского общества.

В теоретическом аспекте на обширном материале источников XI—XII вв. (в частности, просопографическом) эта проблема рассмотрена в обобщающем труде А. П. Каждана³³.

В этой книге дана характеристика различных группировок византийской правящей элиты, показаны отдельные ее градации, определявшиеся как положением данного лица в чиновной иерархии, так и его богатством. Автор подчеркивает отсутствие в Византии сословной системы и замкнутого правящего сословия. Социальная стратиграфия византийского общества отличалась нестабильностью, вертикальная мобильность играла в ней значительную роль. Однако при Комнинах происходит аристократизация Византии, формируется элита аристократических семей, связанных родством с царствующим домом. Сочетание вертикальной динамики с наличием аристократических семей — главное, по мнению ученого,

³¹ *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет, с. 211—215. Концепцию об отсутствии в городах Византии буржуазных элементов поддерживает и В. Н. Завражин. Анализируя термин «месой» в сочинении Иоанна Кантакузина, он приходит к выводу, что эти «средние» являлись представителями торгово-ростовщических кругов, связанных с местной торговлей. В них отнюдь нельзя усматривать нарождающиеся буржуазные элементы города, ибо интересы «средних» слоев и феодальной аристократии были очень близки (*Завражин В. Н.* «Месой» в поздневизантийском городе по данным «Истории» Иоанна Кантакузина. — В кн.: Средневековый город, вып. III, с. 224—230).

³² *Чекалова А. А.* Народ и сенаторская оппозиция в восстании «Ника». — ВВ, 32, 1971, с. 24—39; *Курбатов Г. Л.* Еще раз о византийских димах. — В кн.: Средневековый город, вып. III, с. 3—21; *Литаврин Г. Г.* Восстание в Константинополе в апреле 1042 г. — ВВ, 33, 1972, с. 33—46; *Поляковская М. А.* К вопросу о социальных противоречиях в поздневизантийском городе (по Алексею Макремволиту). — АДСВ, VIII, 1972, с. 95—107.

³³ *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии в XI—XII вв. М., 1974.

характерное противоречие структуры господствующего класса Византийской империи.

Другой характерной чертой стратиграфии византийского общества был, по мнению его, постоянный приток иноземцев в господствующий класс Византии.

Эта особенность византийской элиты рассмотрена А. П. Кажданом не только в его обобщающем труде, но и локальном исследовании, посвященном специальному вопросу о роли армян в составе господствующего класса Византии того же времени ³⁴. В этой книге автор приходит к выводу о том, что армяно-византийская знать занимала в XI—XII вв. важное место в составе правящего класса империи, составляя в нем примерно 10—15%. По своему вероисповеданию она могла быть и халкидонитской, и монофиситской. Она заключала брачные союзы с виднейшими аристократическими родами, в том числе с Комнинами, и обладала обширными поместьями, выполняла военные и административные функции в пограничных областях империи.

Кроме указанных работ в советской историографии появилось немало исследований проблемы социальной структуры византийского общества, которые, однако, носят более частный характер.

Социальная природа и имущественное положение сенаторской аристократии в первой половине VI в. были предметом исследования А. А. Чекаловой. Вывод автора сводится к тому, что в VI в. еще не была поколеблена экономическая мощь сенаторского сословия и богатства сенаторов состояли прежде всего из земельных владений. Вместе с тем политическое влияние сената неуклонно падает. Недовольство сенаторской оппозиции ущемлением со стороны центральной власти их интересов привело к активному участию сенаторской аристократии в восстании Ника ³⁵, хотя основной движущей силой в этом восстании был народ.

Г. Г. Литаврин на материале завещаний XI в. попытался выявить размеры земельной собственности византийской провинциальной аристократии того времени. По его наблюдениям, владения светских земельных собственников были относительно невелики. Земельная собственность не являлась главным источником богатств провинциальных аристократов ³⁶.

Картина жизни семьи провинциального византийского феодала воссоздана Г. Г. Литавриным на основе сочинения византийского полководца XI в. Кекавмена «Советы и рассказы» (или «Стратегикон»). Новое издание этого памятника, содержащего ценнейшие сведения о современном Кекавмену обществе, об экономической, политической и военной истории Византии, Болгарии и Сербии, осуществлено Г. Г. Литавриным по единственной сохранившейся рукописи, которая находится в Историческом музее в Москве (ГИМ, № 436) ³⁷. Издание снабжено ценным комментарием.

А. П. Каждан в одной из своих статей обратился к социологическому анализу византийской монашеской организации. Он рассматривает византийский монастырь XI—XII вв. как своеобразную микроструктуру и проводит его типологическое сравнение с западноевропейскими монастырями. По мнению автора, византийский монастырь в отличие от западноевропейского характеризовался тенденциями к индивидуализму

³⁴ Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975.

³⁵ Чекалова А. А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. — ВВ, 33, 1972, с. 12—32; она же. Константинопольские аригпропраты в эпоху Юстиниана. — ВВ, 34, 1973, с. 15—21.

³⁶ Литаврин Г. Г. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. (По материалам завещаний). — ВО, 1971, с. 152—168.

³⁷ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972.

в сочетании с экономической и административной зависимостью от государства³⁸. Отсутствие монашеских орденов и ограниченность межмонастырских связей является также показателем относительной слабости корпоративности в Византии.

Сведения иностранцев, в частности Гийома Тирского, о составе господствующего класса в Византии разобраны А. П. Кажданом и М. А. Заборовым. Ученые показали, что Гийом Тирский выделяет следующие группы византийской аристократии: царских родичей, челядинцев и служилую знать. Термины типа «нобили» или «магнаты» у него крайне редки³⁹.

Одной из важных тем при изучении социальной стратификации византийского общества оставались категории византийского крестьянства.

В. А. Сметанин, продолжая свои исследования о положении византийского крестьянства в поздней Византии, отметил наличие различных категорий свободного крестьянства и их имущественную дифференциацию. Согласно концепции автора, в поздней византийской деревне известную роль играл наемный труд. Наемные работники в Византии представляли собой особый, спорадически возникающий слой зависимых людей, пополнявшийся за счет обедневшего крестьянства. Одновременно автор показал неоднородность слоя сельских ремесленников, которые могли быть как свободными, так и зависимыми людьми. Тот же автор попытался расчленить массы зависимых крестьян — париков поздней Византии на различные категории. Критерием при выделении этих категорий для него являются особенности взимания ренты с париков в различных типах феодальных владений. В соответствии с этим В. А. Сметанин выделяет проиарских, монастырских и казенных париков⁴⁰.

М. Я. Сюзюмов сделал попытку по-новому осмыслить понятие «трудящийся» в Византии. Рассмотрев такие термины, как «пенеты» и «птохи» — «бедняки», он приходил к выводу, что чаще всего эти термины служили обозначением обедневшего трудящегося населения империи⁴¹.

Проблеме феодализации византийской армии посвящены исследования В. В. Кучмы. Автор прослеживает эволюцию византийской армии в IX—X вв. из стратиотского ополчения в войско феодального типа. Феодализация армии сказалась в создании подразделений феодальных дружинников катафраков, в тенденции монополизировать военную службу со стороны офицерской верхушки, в сокращении численности имперской армии. В. В. Кучма издал русский перевод «Стратиотского Закона» и проследил соотношение этого памятника со «Стратегиконом» Псевдомаврикия и «Тактикой» Льва VI⁴².

Видное место в исследованиях советских византинистов как всегда занимала тема политических и культурных связей Византии с соседними странами. Проблема истории международных отношений и международного права привлекала внимание И. П. Медведева. Автор пытается по-

³⁸ Каждан А. П. Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа. — ВВ, 31, 1971, с. 48—70.

³⁹ Каждан А. П. и Заборов М. А. Гийом Тирский о составе господствующего класса в Византии. — ВВ, 32, 1971, с. 48—54.

⁴⁰ Сметанин В. А. Категории свободного крестьянства в поздней Византии. — ВО, 1971, с. 75—85; *он же*. Наемные работники поздневизантийской деревни. — ВВ, 32, 1971, с. 55—60; *он же*. Сельские ремесленники поздней Византии как социальная группа. — УЗ УГУ, 112, 1971, с. 159—171; *он же*. О статусе некоторых категорий париков в поздней Византии. — ВВ, 33, 1972, с. 7—11.

⁴¹ Сюзюмов М. Я. О понятии «трудящийся» в Византии. — ВВ, 33, 1972, с. 3—5.

⁴² Кучма В. В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX—X в. — ВО, 1971, с. 86—97; *он же*. Νόμος στρατιωτικῆς (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права). — ВВ, 32, 1971, с. 276—284; *он же*. «Тактика Льва» как исторический источник. — ВВ, 33, 1972, с. 75—84; *он же*. К вопросу о критериях достоверности сведений «Тактики Льва». — АДСВ, VIII, 1972, с. 89—94; *он же*. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX—X вв. по «Тактике Льва». — АДСВ, IX, 1973, с. 102—113.

вому разрешить вопрос, была ли верховная власть в Византии в отношении соседних государств реальной или номинальной и как она влияла на их суверенитет. И. П. Медведев приходит к выводу, что в международном праве авторитет доктрины всемирной империи был высок и в этом смысле империя ограничивала суверенитет даже тех государств, которые реально отнюдь не подчинялись Византии⁴³.

Сложная проблема о месте Никейской империи в системе международных отношений XIII в. разрабатывается П. И. Жаворонковым. В опубликованной им части его монографии прослеживаются связи Никей с Западом и Востоком с государствами Апеннинского полуострова, папством, с турками-сельджуками.

В работе дается новая трактовка некоторых событий дипломатической борьбы того времени, уточняются их датировки, проливается новый свет на западную и восточную политику Ватаца и Ласкарей⁴⁴.

Традиционной и плодотворно разрабатываемой темой в советском византиноведении продолжает оставаться история русско-византийских политических и культурных связей.

Основные этапы политических взаимоотношений Византии и Руси в X—XII вв. намечены Г. Г. Литавриным⁴⁵.

В ценной монографии Е. Ч. Скржинской рассматриваются экономические и политические связи Италии, Византии и России в XV в. по данным сочинений Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини. Исследовательница опубликовала тексты этих памятников и их русский перевод, содержащие полезные сведения о Причерноморье, Константинополе и Трапезунде⁴⁶.

В исследованиях Я. Н. Шапова, В. Г. Брюсовой, Г. В. Алферовой и многих других ведутся разыскания, связанные со сложной проблемой влияния византийской государственности и культуры на Русь. Ученые приходят к выводу, что византийское наследие ощущалось сильнее в тех сферах общественной и культурной жизни, где были слабее местные традиции. В тех же областях знания и материальной культуры, где оно встречалось с развитыми институтами аналогичного характера, оно не вытесняло последних, но подвергалось значительному переосмыслению⁴⁷.

Непреодолимый интерес советских исследователей вызывает фигура Максима Грека. В последние годы этот интерес особенно оживился в связи с открытием в 1968 г. Сибирского списка Судного дела Максима Грека, проливающего новый свет на деятельность этого мыслителя в Русском государстве. Изучение идейного наследия Максима Грека и отношения

⁴³ *Медведев И. П.* Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных стран). — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972, с. 412—424; *он же.* К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи. — ВВ, 33, 1972, с. 129—139.

⁴⁴ *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад. — ВВ, 36, 1975, с. 100—121; *он же.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг. — ВВ, 37, 1976, с. 48—61.

⁴⁵ *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке. — ВИ, 1972, № 7, с. 36—52.

⁴⁶ *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. Эта же исследовательница издала эпиграфический памятник — надгробие XIV в. из Таны венецианского посла Якопо Корнаро. Памятник проливает дополнительный свет на развитие международных отношений в Северном Причерноморье во второй половине XIV в. См. *Скржинская Е. Ч.* Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро 1362 г.). — ВВ, 35, 1973, с. 103—118.

⁴⁷ *Шапов Я. Н.* Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. — ВВ, 31, 1971, с. 71—78; *Брюсова В. Г.* и *Шапов Я. Н.* Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом. — ВВ, 32, 1971, с. 85—103; *Алферова Г. В.* Кормчая книга как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства. Ее влияние на художественный облик и планировку русских городов. — ВВ, 35, 1973, с. 195—220.

этого ученого к итальянскому Возрождению посвящена работа А. И. Иванова «Максим Грек и итальянское Возрождение». По мнению автора, в творчестве Максима Грека обнаруживаются черты как средневековых, так и ренессансных традиций, византийской и западно-европейской образованности. Отсюда проистекала двойственность и противоречивость его философских и эстетических взглядов, впрочем характерная также и для большинства деятелей итальянского Возрождения. Как полагает исследователь, литературная деятельность Максима Грека при всей ее противоречивости была проникнута гуманистическими идеями и оказала плодотворное воздействие на развитие русской культуры и общественно-политической мысли⁴⁸.

Все большее значение в работах советских византинистов за последние годы приобретает исследование кардинальных проблем общественной мысли и культуры Византии. Работы З. В. Удальцовой посвящены писателям ранней Византии — в них анализируются социально-политические и философские воззрения Аммиана Марцеллина, Зосима, Приска Панийского, Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Менаандра и Феофилакта Симокатты, Иоанна Малалы.

В мировоззрении крупнейшего историка VI в. Прокопия Кесарийского, по нашему мнению, сочетались черты античного мирозерцания с некоторыми элементами христианской идеологии. В хронике же Иоанна Малалы уже господствует христианское мирозерцание, хотя отчетливо прослеживается влияние античного наследия⁴⁹.

Большой коллектив авторов, специалистов по истории античной и византийской литературы выпустил в свет под редакцией Л. А. Фрейберг ценный труд, содержащий отдельные этюды, объединенные единой темой — генетической связью античной и византийской литератур⁵⁰. Авторы дают яркую характеристику не только ряда выдающихся писателей и тех или иных явлений в византийской литературе, но и прослеживают влияние на нее античных традиций.

Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью явились предметом изучения С. С. Аверинцева. В его работе яркие характеристики знаменитых деятелей культуры той эпохи, философов, богословов, писателей (Августина, Григория Великого, Псевдо-Дионисия, Эриугены) сочетаются с широкой картиной общего развития культуры Средиземноморья в IV—IX вв.⁵¹

М. Я. Сюзюмов вновь обратился к изучению мировоззрения Льва Диакона. По мнению исследователя, социальные симпатии Льва Диакона были на стороне землевладельческой знати. В своем творчестве Лев

⁴⁸ Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. Издание подготовил Н. Н. Покровский под ред. С. О. Шмидта. М., 1971, ротапринт. О Максиме Греке см. *Шмидт С. О. Новое о Тучковых*. — В кн.: *Исследования по социально-политической истории России*. Л., 1971, с. 29—141; *Зимин А. А.* Максим Грек и Василий III в 1525 г. — ВВ, 32, 1971, с. 61—84; *Фонкич Б. Л.* Русский автограф Максима Грека. — «История СССР», 1971, № 3, с. 153—158; *Иванов А. И.* Максим Грек и итальянское Возрождение. — ВВ, 33, 1972, с. 140—157; ВВ, 34, 1973, с. 112—121; ВВ, 35, 1973, с. 119—136. См. также: *Белоброва О. А.* К иконографии Максима Грека. — ВВ, 34, 1973, с. 244—248.

⁴⁹ *Удальцова З. В.* Мировоззрение Прокопия Кесарийского. — ВВ, 31, 1971, с. 8—22; *она же.* Мировоззрение хрониста Иоанна Малалы. — ВВ, 32, 1971, с. 3—23; *она же.* Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского. — ВВ, 33, 1972, с. 47—74; *она же.* Из истории византийской культуры раннего средневековья (Мировоззрение византийских историков IV—VII столетий). — В кн.: *Европа в средние века: экономика, политика, культура. Сборник статей в честь С. Д. Сказкина*. М., 1971, с. 260—276; *она же.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974.

⁵⁰ *Античность и Византия*. М., 1975.

⁵¹ *Аверинцев С. С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью. — В кн.: *Из истории культуры средних веков и Возрождения*. М., 1976, с. 17—64.

Диакон во многом следовал античным образцам и преклонялся перед античностью⁵².

Различные аспекты литературного творчества писателя и философа XI в. Михаила Пселла освещены в работах Я. Н. Любарского. В одной из статей Я. Н. Любарский остановился на жанровой и композиционной специфике исторического сочинения Пселла, подчеркнув, что, согласно теоретическим представлениям последнего, форма литературного произведения должна соответствовать содержанию. Много внимания автор уделяет выяснению взаимоотношений Пселла с современными ему политическими деятелями и представителями византийской образованности. В большинстве случаев эти взаимоотношения определялись не соображениями выгоды, но общностью или противоположностью политических и научных интересов. Тот же исследователь рассмотрел систему образов «Хронографии» Михаила Пселла⁵³, отметив, что при изображении исторического героя Пселл нередко прибегает к литературным клише, но в то же время умело обрисовывает индивидуальные черты того или иного деятеля.

Социально-политические и философские взгляды историков XII—XV вв. также находились в поле зрения советских византинистов.

А. П. Каждан провел анализ сравнений и метафор Никиты Хониата и Никифора Григоры и пришел к выводу, что две системы сравнений отражают два разных взгляда на историю: Хониат видит в течении событий непрерывное изменение к худшему, Григора, — движение к лучшему⁵⁴.

С. К. Красавина дала обстоятельную характеристику социально-политических воззрений византийского историка XV в. Дуки⁵⁵. Исследовательница показала, что хотя византийская историография XV в. в целом оставалась историографией феодального общества, однако в творчестве некоторых писателей, в частности Дуки, уже прослеживаются гуманистические черты. Дука пытался дать ответ на волнующие проблемы современности, искал в историческом творчестве своеобразный выход для разрешения политических задач своего времени. По нашему мнению, особенно ярко гуманистические тенденции проявились в философских трудах крупнейшего византийского ученого XV в. Виссариона Никейского⁵⁶.

Основные этапы развития византийской литературы и ее различные жанры (поэзия, народный и книжный эпос, сатира, эпиграммы, эпитафография, роман) освещены в книге «Византийская литература», вышедшей под редакцией С. С. Аверинцева⁵⁷.

Изучение византийского романа продолжали С. В. Полякова⁵⁸ и А. Д. Алексидзе. Византийские сатирические повести, памфлеты и энкомии

⁵² Сюзюмов М. Я. Мировоззрение Льва Диакона. — АДСВ, VII, 1971, с. 127—148.

⁵³ Любарский Я. Н. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла. — ВВ, 31, 1971, с. 23—37; *он же*. Пселл в отношениях с современниками. — ПС, 23, 1971, с. 125—143; ВВ, 34, 1973, с. 72—87; ВВ, 35, 1973, с. 89—102; ВВ, 37, 1976, с. 98—113; *он же*. Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла. — ВВ, 33, 1972, с. 92—114.

⁵⁴ Каждан А. Л. «Юрблэд в бурном море». К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей. — В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения, с. 3—16.

⁵⁵ Красавина С. К. Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки. — ВВ, 34, 1973, с. 97—111.

⁵⁶ Удальцова З. В. Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии. — ВВ, 35, 1973, с. 75—88.

⁵⁷ Византийская литература. М., 1974.

⁵⁸ Полякова С. В. Из истории греческого романа в Византии. — ВВ, 31, 1971, с. 243—248; *она же*. О хронологической последовательности Евматия Макремволита и Феодора Прокрома. — ВВ, 32, 1971, с. 104—108; *она же*. Экфраза XII месяцев Евматия Макремволита. — ПС, 23, 1971, с. 114—124; *она же*. Некоторые наблюдения над повествовательной манерой Евматия Макремволита. — ВВ, 35, 1973, с. 187—194.

(похвальные слова) как особый жанр византийской литературы были предметом изысканий М. А. Поляковской⁵⁹.

В. А. Сметанин разрабатывал проблемы византийской эпистографии⁶⁰.

Специальное исследование А. П. Каждана посвящено истории греческой книги и письма. Автор освещает широкий круг вопросов, связанных с изготовлением рукописной книги в Византии. Много места он уделяет византийской образованности, начальной и высшей школе, в частности Константинопольскому университету, приводит материал об учебных книгах, о тривиуме и квадравиуме в Византии. В книге очерчен основной круг чтения, доступный византийцам, излагается история византийских библиотек. Особая глава посвящена творчеству византийского писателя XII—XIII вв. Никиты Хониата⁶¹.

Продолжалось изучение греческого рукописного наследия, хранящегося в библиотеках и архивах Советского Союза. Оно велось как по линии исследования отдельных рукописей с точки зрения палеографии и кодикологии⁶², так и по линии изучения истории больших рукописных комплексов⁶³ и каталогизации греческих рукописей СССР⁶⁴.

Таковы основные новейшие работы советских византинистов, свидетельствующие о дальнейшем поступательном развитии византиноведческих исследований в Советском Союзе. С удовлетворением можно отметить, что советские византинисты к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции пришли со значительными успехами.

⁵⁹ Поляковская М. А. О памфлете Николая Кавасилы. — АДСВ, VII, 1971, с. 149—158; она же. Эпикомии Николая Кавасилы как исторический источник. — АДСВ, IX, 1973, с. 77—88; она же. Толкование повести «Лукий, или Осел» Алексеем Макремволитом. — ВВ, 34, 1973, с. 137—140.

⁶⁰ Сметанин В. А. Эпистография. Методическая разработка к специальному семинару для студентов-заочников исторического факультета. Свердловск, 1970.

⁶¹ Каждан А. П. Книга и писатель в Византии. М., 1973.

⁶² Фонкич Б. Л. О рукописи «Стратегикона» Кекавмена. — ВВ, 31, 1971, с. 108—120; он же. Киевский список греческой версии «Варлаама и Иоасафа». — «Мацне», 1973, № 3; он же. Греческая рукопись митрополита Фотия. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972.

⁶³ Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. Греческие рукописи в России. М., 1977.

⁶⁴ Фонкич Б. Л. Греческие рукописи Матенадарана. — «Вестник Матенадарана», т. 12, 1977; он же. Греческие рукописи Одессы. — ВВ, 39, 1978, с. 184—200.